

— Гоудань! Ван Сюань! Вы дома?

Ребята как раз прикрыли глаза от удовольствия, всю мечтая о том, сколько мяса они купят на эти деньги, когда снаружи раздался громкий оклик. Они торопливо прибрали своё богатство.

— Идем, идем! — отозвался Ли Кай и шепнул Ван Сюаню: — Иди отпирай, я пока штаны натяну.

Ван Сюань прыгнул с кана, на ходу всунул ноги в шлёпанцы и, шлёпая подошвами, припустил к дверям. За изгородью, вытягивая шеи и заглядывая во двор, топтались деревенские мальчишки.

— Чего прибежали? — спросил Ван Сюань, отодвигая засов.

— Эй, мы прослышали, вы в уездный город ездили! Правда, что ли?

— Ну и как там, в уезде? Наверняка больше нашей коммуны?

— И почему не позвали? Мы бы тоже увязались!

— Вот именно! А нас этот старик Чэнь совсем заездил, до смерти замучил работой. Дагую вообще пинка отвесил, у него до сих пор всё бедро синее!

Ребята засыпали Ван Сюаня вопросами, перебивая друг друга. Тот отбивался как мог, а потом обернулся к Дагую:

— Неужто и правда ударил?

— А то как же! Сам посмотри, — Дагуй без лишних слов стянул штаны, выставляя напоказ пострадавшую конечность. На бедре наливался багрово-синий кровоподтёк.

Ван Сюань так и ахнул:

— Ого, ничего себе... А отцу с матерью говорил?

— Говорил, — Дагуй со вздохом натянул штаны обратно. — Да только толку-то? Сказали, сам виноват, раз не слушался. Не верят они мне.

— Слушай, — вставил Дафу, решив заранее предупредить друга, — вы ведь несколько дней в школе не показывались, да ещё его личный огород вскопать не помогли. Учитель Чэнь вам

этого точно не спустит, поколотит, как пить дать. Придётся веники с собой тащить — заставит пол-школы выметать, помяните моё слово.

Ван Сюань приуныл, не на шутку встревожившись.

— Пускай только попробует тронуть! — раздался из-за его спины голос подошедшего Гоуданя.
— Пальцем зацепит — я его сынку башку откручу.

Мальчишки дружно загоготали. Все в округе знали, что Гоудань дерётся как чёрт, но одно дело — сверстники, и совсем другое — учитель. Кто посмеет перечить школьному наставнику? Поколотит — так за дело, придётся терпеть. Дагую ещё повезло. Вон, в прошлый раз какому-то пацану учитель так заехал по уху, что кровь пошла, поговаривали, малый даже оглох на одну сторону. И что? Родители и пикнуть не посмели. Кончилось тем, что бедняга вообще школу бросил.

Ли Кай ничего объяснять не стал, но про себя решил твёрдо: он никому не позволит над собой издеваться. Не на того напали.

— Уездный город большой, — неохотно рассказывал Ван Сюань, — только люди там злые, жуть просто.

— Да ну? Неужто злее учителя Чэня?

— Куда там вашему Чэню! Вы бы видели тех грубиянов. Мы с Гоуданем только глянули на одного, а он на нас чуть с кулаками не набросился. Ну его, этот город. Больше туда ни ногой, по крайней мере, пока не подрастём.

Ли Кай захлопнул калитку. Амбар с зерном они заперли на замок, а всё остальное можно было оставить и так — в деревне воровать не принято, для приличия прикрыли засов, и ладно.

— Куда теперь подадимся?

— На государственную ферму, арахис собирать, — ответил Цичжи.

— А разве разрешают? — засомневался Ван Сюань.

— Кто ж разрешит! Но сейчас полдень, все на обед ушли, сторожить некому. Они посадили арахис за оградой, на пустыре. Мы по-тихому землю перероем. Смотри, мы и тяпки прихватили, и вон нож старый. Этого за глаза хватит! — Цичжи с гордостью вытащил из бамбуковой корзины обломок ржавого тесака без рукояти.

— Тогда погодите минуту, — Ван Сюань шмыгнул обратно в дом и вскоре вернулся, неся за

плечами бамбуковый короб, в руке корзинку и две лопатки, искусно вырезанные из толстого старого бамбука. Формой они походили на кухонные лопатки для жарки, но края были заточены до остроты ножа. Эти прочные, хватистые инструменты смастерил в свободную минуту Ли Сы.

Ван Сюань протянул Гоуданю одну лопатку и короб, а сам взял корзинку и второе орудие.

— Пошли.

— Ого, Ван Сюань, дай глянуть лопатку! — Цичжи так и загорелся. — Вернусь — своего батю заставлю такую же выстругать.

По дороге мальчишки ломали гибкие ветки и ловко плели из них широкие венки-шляпы. Такая «шапка» отлично защищала от палящего солнца и, что важнее, закрывала половину лица. Все они были примерно одного возраста и телосложения, так что разбери-пойми под такой маскировкой, кто есть кто. Лишняя предосторожность не мешала: ребята отлично понимали, что лезть без спросу на чужое поле — дело не совсем благовидное, пусть даже урожай там уже давно убрали.

— В прошлый раз моя бабка деду под водку арахис жарила, — мечтательно проговорил один из мальчишек. — Я у них несколько штучек утащил — вкуснятина! Если сегодня наберём, мамку тоже заставлю нажарить.

— Ага, разбежался! Взрослые всё равно отберут, скажут, на масло надо сдать. Лучше сразу на месте на костре запечь и слопать.

— Гоудань, как думаешь, запечём?

— Поглядим по обстоятельствам, — отозвался Ли Кай. — Сначала найти надо, вдруг там охрана ходит, и мы вообще с пустыми руками уйдём.

Шумная ватага двинулась дальше. Проходя мимо речной заводи, они увидели деревенских старух и девчонок, которые с шумом колотили вальками бельё на плоских валунах.

Ван Сюань подбежал к воде проверить их утреннюю стирку: замоченная одежда лежала в заводи, придавленная тяжёлым речным голышом.

— Эй, малец, это твоё тряпье тут мокнет? — окликнула его одна из пожилых женщин. — Ты чего его бросил? Утащат ведь, ищи-свищи потом!

— Да кому оно сдалось, бабушка! — улыбнулся Ван Сюань, стараясь говорить разборчиво сквозь шатающийся передний зуб. — Старое всё, мы в нём несколько дней в дороге прели, кислятиной за версту несёт. Пусть хорошенько отмокнет сначала, в полдень вернусь и

выколочу — так грязь легче отойдёт.

— Братец! — звонкий девичий голосок заставил Дачжуана вздрогнуть. Среди девчат у воды усердно тёрла рубаху его младшая сестра. — Ты опять шататься выискался? Вот вернись домой и всё матери расскажу, задаст она тебе трёпку!

— Поговори мне ещё! — огрызнулся Дачжуан. — Только пикни матери — я тебе уши-то быстро оборву!

— Ах так? Давай, попробуй! Мама с самого утра наказывала тебе не бездельничать, а помочь прабабушку перевернуть! А ты опять за своё!

Дачжуан, сделав вид, что не расслышал, махнул рукой остальным и припустил во все лопатки, будто за ним уже гналась его грозная родительница. Сестра, видя, как брат улепётывает, в сердцах выудила его штаны из таза и швырнула на грязную землю.

Остальные девчонки покатались со смеху. Понятное дело, позлившись, девчушка всё равно подобрала шмотки и принялась за работу, тихо ворча под нос:

"Укатил на весь день, паршивец... Как я одна прабабушку ворочать буду?"

— И не боишься, что она матери нажалуется? — спросил Ван Сюань, искоса поглядывая на Дачжуана.

Мать у того была бабой на редкость суровой — рослая, коренастая, чернявая, а уж если разойдётся, тушите свет. Отец его и слова против пикнуть не смел.

— Чтобы я девчонки испугался? — Дачжуан гордо задрал нос. — Отец говорит, в доме последнее слово всегда за мужиками.

Мальчишки понимающе переглянулись. Да уж, «последнее слово». Все в деревне помнили, как его отец с позорным криком удирал от супруги через огороды, пока та размахивала ухватом.

— Да ладно вам, — Дачжуан смущённо шмыгнул носом. — Мелкая просто пугает, не побежит она жаловаться. Сама материнского гнева боится. Не дрейфьте, пронесёт.

Ребята только ухмыльнулись. Им-то чего дрейфить? Твоя мать чужих детей не тронет, а вот из собственного сынка всю душу вытрясет, так что и родной отец не признает.

Вскоре ватага выбралась на окраину государственной фермы. Перед ними раскинулись бескрайние, ровные как стол угодья. Местные до сих пор не понимали, почему эти плодородные земли когда-то оттяпали у деревни и передали госферме. Раньше никакого

хозяйства тут не было, но потом власти решили перенять опыт освоения целинных земель на окраинах страны и создали здесь образцовое предприятие. В своё время из-за этой межи немало копий переломали.

— Ну что там? Охрана есть?

Мальчишки попадали в траву, по-пластунски поползли до края поля и приподнялись на корточки, высматривая опасность. Наконец Цичжи замахал рукой, отчаянно шепча:

— Никого! Похоже, здешние брезгуют остатки собирать, на дальние делянки ушли. Наша взяла!

Работники госфермы вообще жили на широкую ногу: им и жалованье платили государственное, и пайки выдавали. Не то что деревенским бедолагам, которые после каждого сбора урожая по три раза перерывали колхозные поля, надеясь выковырять хоть заваливший корешок.

Убедившись, что путь свободен, мальчишки с весёлым улюлюканьем посыпались на поле. Быстро разделили землю на невидимые участки и принялись ожесточённо копать. Стоило кому-то наткнуться на нетронутый куст, под которым пряталась целая пригоршня спелых орехов, все бросали работу и сбегались смотреть, завистливо цокая языками.

— Дагуй, шевелись давай! — прикрикнул Дафу на брата. — Из-за твоей вялости у нас делянку из-под носа увели, а там арахиса было завались! И перестань жрать, и так горсть осталась, всё в рот тащишь!

— Подумаешь, жалко ему... Будто твоё ем, — буркнул Дагуй, усердно работая челюстями. Впрочем, перечить старшему брату он не решился и принялся копать усерднее.

Собирать остатки — дело неблагодарное, тут уж как повезёт. Землю приходится ворочать глубоко, а толку порой чуть.

— Гоудань, иди-ка сюда! — позвал Ван Сюань.

— Что там? Куст богатый нашёл? — Ли Кай отложил лопатку.

Иногда косари срезали ботву арахиса под корень, а сами плоды оставались в земле — для мальчишек это было настоящим кладом.

Остальные ребята, почуяв добычу, тоже бросили свои грядки и обступили Ван Сюаня.

— Где? Покажи! Много там? — Делиться с ними никто не собирался, но хоть поглазеть, душу

растравить.

— Да нет, гляди... Кажется, это нора полёвки.

— Нора? — Глаза Ли Кая блеснули. Он мигом подскочил, разгрёб сухую землю руками и засунул два пальца в узкую щель. Вытащив горсть рыхлого грунта, он уверенно заявил: — Зуб даю, мы набрали на её кладовую!

Скинув бамбуковый короб, Гоудань плюнул на ладони и принялся ожесточённо копать глубокую яму. Вскоре бамбуковой лопатки стало мало, и он одолжил у кого-то железную тяпку. Вокруг копошащегося мальчишки выстроилось плотное кольцо любопытных чёрных макушек. Все заворожённо следили, как комья земли летят во все стороны, а Ли Кай, словно заправский барсук, уходит всё глубже в грунт.

— Жаль, Дагуая с Сяогуаем нет, — вздохнул Ван Сюань. — Они бы мигом унюхали, дома хозяин или ушёл.

Сяогуая вчера привезли на телеге, бедный пёс до сих пор отлёживался дома после ранения, а Дагуай остался его караулить. Раньше преданные псы тенью следовали за ними, а теперь без них было как-то непривычно пусто.

— Если там жирный хомяк сидит, так это ж двойная добыча — и орехи, и мясо! — загорелись глаза у Дафу.

Мальчишки напрочь позабыли про арахис и принялись рыскать по полю в поисках нор. Охотничий азарт захлестнул ватагу.

У детей внимание ветреное: стоило Гоуданю подать пример, как все тут же забросили скучную копотню и переключились на норы. Благо, убранное поле осенью так и кишело грызунами. Вскоре ребята нашли ещё несколько лазов.

Разорять мышиные гнёзда да змеиные норы для деревенской ребятни было делом привычным. Страху они не знали: кто-то уже лежал на пузе, по локоть запустив руку в тёмную дыру и пытаясь разглядеть, что там внутри. Измазав лица в грязи, они сплёвывали налипшую пыль и весело сменяли друг друга у раскопок.

— Бежит! Бежит! — взвизгнул кто-то.

Из норы, которую раскапывал Ли Кай, действительно пулей выскочила серая полёвка.

— Кладовая где-то совсем рядом! — ахнул Гоудань.

Он, словно молодой бычок, навалился на работу, шумно сопя и откидывая землю. Когда Ли Кай притомился, его сменил Ван Сюань. Сил у него было поменьше, но копал он споро и аккуратно.

— Гоудань, кажись, дошли. Давай ты теперь, потихоньку.

Ли Кай осторожно запустил пальцы в тёплый, взрыхлённый грунт. Наткнувшись на первые твёрдые скорлупки, он отбросил лопатку в сторону и полез в нору голыми руками. Секунда — и наружу явилась огромная пригоршня отборного, пусть и грязного арахиса.

— Ого! Вот это куча! — взвыли кругом. — Пойду свою нору копать, скорее!

У мальчишек аж слюнки потекли от зависти. Ну что за парень этот Гоудань! Всё-то у него ладится: и в город съездил, и тут самый богатый клад откопал.

Ли Кай с торжествующим видом выгреб запасы бедной полёвки до последнего зёрнышка. Высыпал добычу на траву, а Ван Сюань принялся прилежно обирать грязь и складывать орехи в корб.

— Сырой совсем, — заметил Ван Сюань, ощупывая плоды. — Хорошо, дождей давно не было, а то бы всё сгнило. Смотри, Гоудань, некоторые уже прорасть начали.

— Богато живут серые, — ухмыльнулся Ли Кай.

— Да уж, мышам закон не писан, — вздохнул мечтательно Цичжи, чей желудок вечно требовал съестного. — Знай себе грызи сколько влезет, лафа!

Ребятня самозабвенно возилась в земле, напрочь позабыв о том, что они находятся на чужих угодьях без спроса. От былой робости не осталось и следа: поле огласилось звонкими криками и спорами. Кому-то надоело копать, и хитрый малец, расстегнув штаны, принялся мочиться прямо в нору, надеясь либо выкурить хозяина наружу, либо размягчить упрямую сухую глину.

— Эй! Вы чьих будете, пострелы?! Чего тут забыли?!

Внезапный громовой окрик разорвал тишину.

Мальчишек словно ветром сдуло. На ходу натягивая штаны, хватая корзины и лопатки, ватага ломанулась в сторону ближайшего леса. Ветки хлестали по лицам, колючки цеплялись за одежду, но никто не смел оглянуться. Охранник на краю поля лишь покачал головой. Он прекрасно понимал, что это деревенская детвора промышляет на убранных полях. Земли у госфермы было немерено, урожай собирали тоннами, и на эти жалкие остатки руководство обычно закрывало глаза — редко кто из взрослых опускался до того, чтобы перекапывать землю по второму кругу.

В панике ребята разбежались кто куда. Лишь добравшись до середины леса, они начали осторожно перекликаться: кто свистел по-птичьи, кто тихонько звал по именам.

— Эй, а мелкий мой где? Видел кто?

— Иньтоу тоже нет...

— Разминулись небось. Говорил же я вам: держитесь вместе! Ну и трусы, подумаешь — один мужик показался, а дёру дали, только пятки засверкали!

— Ишь, расхрабрился! А сам-то чего бежал быстрее всех? Что ж на поле не остался?

Слово за слово — и недавние товарищи по несчастью уже покатались по траве, тузя друг друга кулаками. Никто и не думал их разнимать: мальчишки мигом обступили дерущихся, подзадоривая и улюлюкая.

Когда отставшие наконец вышли на шум, перед ними предстала живописная картина: плотное кольцо зрителей и двое забияк, катающихся в пыли.

— Эй, а эти-то чего не поделили? — удивлённо спросил один из прибывших.

— Да бес их знает! — отозвался кто-то из толпы, не отрывая взгляда от зрелища. — Давай, Дагуй, врежь ему!

— О, нашлись! — закричал Ван Сюань. — Хорош махаться, все целы, никто не потерялся!

Дерущиеся нехотя разжались.

— Тьфу ты, нашлись... А мы-то тут при чём? — тяжело дыша, проворчал один из забияк.

— Ну вот, на самом интересном месте! Чего остановились-то? — разочарованно загудела толпа.

Ребята наконец растащили драчунов в разные стороны. Те стояли злые, растрёпанные, с обидой глядя на «спасителей». Когда кулаки вовсю гуляли, никто пальцем не шевельнул, а теперь, когда злость закипела вовсю, полезли мирить!

— Он мне лишний раз в ухо заехал, а я списать должок не успел! — ворчал один, отряхивая порванную рубаху.

Забияки попытались было снова кинуться друг на друга, расталкивая державших их за плечи товарищей, но общая суматоха быстро свела ссору на нет. Мальчишеская дружба — штука

странная: минуту назад они готовы были расшибить друг другу носы, а сейчас уже вместе отряхивали штаны от сухой хвои. В деревне без драк никто не рос — у каждого за плечами был богатый опыт разбитых коленок и подбитых глаз.

Ли Кай к подобным потасовкам относился философски. Пока другие шумели, он спокойно обирал сухие травинки из волос Ван Сюаня, а тот в ответ вытаскивал у него из-за шивороты прилипчивые колючки череды и репейника. Эти вредные семена намертво въедались в дешёвую хлопковую ткань, кололись сквозь одежду так, что кожа зудела нестерпимо. Самому со спины их никак не обобрать, вот и приходилось выручать друг друга после каждого побега через кусты.

Убедившись, что зрелище окончено, мальчишки принялись осматривать понесённый урон. Кто-то в панике выронил корзину, у кого-то высыпалась половина арахиса, а кто-то и вовсе лишился инструмента.

— Пропал мой тесак! — запричитал один из пацанов. — Если батя узнает, что я без спросу его любимый нож утащил да в поле посеял, он с меня три шкуры спустит!

— Да ладно тебе ныть. Зато арахиса набрали. На наших деревенских полях столько за весь день не накопаешь.

Немного подумав, ребята решили вернуться на окраину поля. Надо же было забрать обронённые вещи, да и арахис жалко оставлять.

На самом деле, работники госфермы гоняли детвору не из жадности, а из опасения, как бы те под шумок не утащили созревающие на соседних грядках овощи. Против того, чтобы кто-то бесплатно перерыл и разровнял уже убранное поле, они ничего не имели. Самим собирать остатки им было недосуг — время дорого, проще вспахать заново под озимые. На госферме труд шёл по плану и разнарядкам, там за каждую пядь земли отчитываться надо было перед начальством.

Ли Кай рассудил, что сторож, скорее всего, просто проходил мимо и уже давно ушёл по своим делам.

— Ладно, пошли проверим, — скомандовал он.

Мальчишеское любопытство всегда сильнее страха. Прошло всего десять минут, а они уже напрочь позабыли, как позорно улепётывали с поля. Жажда приключений снова звала вперёд.

Двое застрельщиков осторожно выглянули из зарослей и махнули рукой: чисто! Ребята один за другим высыпали на пашню, словно суслики из нор. Быстро отыскали потерянный тесак, собрали разлетевшиеся орехи и подхватили корзины.

— Хе-хе, тот дядька небось думает, что мы со страху до самой деревни бежали, — хвастался Иньтоу, бережно укладывая арахис обратно. — А у нас всё на месте!

Довольные своей смелостью, они облюбовали тихое местечко у лесного ручья, закрытое от ветра раскидистыми ветвями деревьев. Наломав веток, быстро вымели сухую листву и хвою, чтобы ненароком не устроить пожар. Посреди расчищенного пятачка выкопали небольшую ямку, обложили её плоскими камнями — получился отличный походный очаг.

— Тащите хворост!

— У кого спички есть? Разжигай!

— У меня нету.

— И у меня. Мамка с утра все извела, к соседям за углями бегала.

У Ли Кая и Ван Сюаня спичек тоже не водилось. Ли Сы перед уходом обычно закапывал в золу толстый древесный комель — сучковатый обрубок дуба или берёзы, который мог незаметно тлеть целый день. Деревенские часто так делали: вернёшься с работы, разгребёшь золу, раздуешь горячий бок полена, поднесёшь сухую солому — и очаг снова весело полыхает. Но такую хорошую колоду ещё поискать надо было, обычно обходились просто толстыми ветками.

— Иньтоу, давай колись! Знаю же, что у тебя припрятаны!

— Да у самого кот заплакал, — заворчал Иньтоу, но всё же выудил из кармана потёртый коробок. Осторожно достал одну спичку, чиркнул по стёртому боку — мимо. Чиркнул ещё раз, бережно придерживая пальцами хлипкий черенок.

— Ну что ты копаешься! Даи я!

— Не тронь, сам сделаю!

Мальчишки тут же сгрудились вокруг него, вырывая заветную коробку.

Мальчишкам только дай волю поиграть с огнём. Больше всего на свете они любили стащить у родителей спички и втихаря чиркать ими в кустах, заворожённо глядя на весёлое шипение и вспыхивающий огонёк. Конечно, если ловили — пороли нещадно. Спички стоили денег, в крестьянском быту вещь была ценная, зря переводить никто не позволял. К тому же сорванцы то и дело устраивали пожары: то стог соломы на окраине деревни запалят, то сухой луг пустят дымом. Взрослые потом всем миром тушили, а виновников ждал суровый отцовский ремень. Да только толку мало — прячь не прячь, а пацаны всё равно умудрялись утащить из коробка пару-тройку штук.

Семья Иньтоу по деревенским меркам жила безбедно, так что у них в доме спички не переводились. Малый частенько таскал их для общих нужд, за что пользовался у ватаги особым уважением.

Наконец над очагом потянулся тонкий сизый дымок. Мальчишки быстро раздули пламя, разложили ещё пару мелких костерков и принялись запекать арахис. Бросали орехи прямо в горячую золу целыми пригоршнями, нетерпеливо дожидаясь, пока те хорошенько пропекутся.

Полусырые, обугленные до чёрной корочки плоды казались им вкуснее любого лакомства. Вскоре у всей компании рты были черны от сажи. Утирались прямо грязными рукавами да ладонями, весело перемигиваясь.

Наевшись от пуза, костры тщательно затушили и засыпали землей. Горький опыт лесных пожаров научил даже этих сорванцов строгому правилу: уходишь — зарой кострище так, чтобы и дымка не осталось.

Место они выбрали глухое — ничейная земля, зажатая между полями фермы и деревенскими угодьями. Дикий каменистый распадок зарос вековыми узловатыми вязами и дикими грушами. С гор сюда сбегал ледяной ручей, петляя среди валунов и образуя небольшую заводь. Вода в нём была прозрачной до синевы и такой холодной, что аж зубы ломило.

Самые нетерпеливые уже сбросили штаны и с весёлым визгом прыгали по мокрым камням, брызгаясь водой.

— Упарился я, пока копал, — крикнул Дафу, плюхаясь в воду. — Ополоснусь сначала, потом домой пойду.

— Да ладно тебе, лучше в речке у деревни выкупаться.

— Совсем без головы? Там сейчас взрослые с поля пойдут. Мать тебя хворостинкой оттуда погонит, только сунься!

— И то верно. К тому же у деревенского брода вечно бабы с бельем сидят, проходу от них нет, — буркнул Иньтоу с важным видом, подражая взрослым мужикам.

Разгар веселья прервал резкий, сухой звук, прокатившийся по лесу.

Пум! Пум! — раскатистое эхо ударило по ушам.

Ли Кай мгновенно подорвался с места. Схватив Ван Сюаня за руку, он одним рывком вытянул его на берег и принялся натягивать штаны.

— Мать ваша! — рявкнул он на замерших мальчишек. — Живо вылезайте из воды!

Те застыли с разинутыми ртами.

— Это... это что, ружьё было? Как в кино про войну?

— Быстрее, черти полосатые! — подгонял их Ли Кай.

Ребятня как ветром сдуло. Они гурьбой посыпались на берег, на ходу путаясь в штанинах и хватая разбросанные вещи. Первый выстрел прозвучал поодаль, но эхо разнеслось отчетливо.

Не успели они застегнуть пояса, как лес снова содрогнулся — на этот раз гораздо ближе. Раздался ещё один двойной залп.

Ли Кай, крепко сжимая запястье Ван Сюаня, понял, что убежать они не успеют.

— Бросайте всё! На деревья, быстро! — скомандовал он.

Сам он первым уцепился за шершавый ствол старого вяза и в мгновение ока взлетел на нижнюю ветку, подтянув за собой друга. Остальные мальчишки посыпались следом, карабкаясь по ветвям с проворством испуганных обезьян. Спустя минуту у ручья воцарилась мертвая тишина.

Все попрятались среди густой осенней листвы, затаив дыхание, словно напуганные пичуги. Деревенским ребятишкам взлететь на дерево — пара пустяков, гибкие и цепкие, они слились с кронами так, что снизу ни за что не разглядеть. Выдавали их только брошенные в спешке у ручья корзины, обломки лопаток да рассыпанный по траве арахис.

Ван Сюань, сидевший на ветке рядом с Ли Каем, осторожно указал пальцем вниз на этот беспорядок и прошептал прямо в ухо другу:

— Гоудань... А если они сюда пойдут? Это же настоящие пули...

Одно дело — бегать по деревне с деревянным самопалом, и совсем другое — слышать, как сухой свинец рвёт лесной воздух. Сердце у Ван Сюаня ушло в пятки. От пуль ведь умирают, это каждый малец знал.

Ли Кай тяжело и прерывисто дышал. Благодаря его особым тренировкам, все его чувства были обострены до предела. Он кожей ощущал, как к их укрытию приближается нечто тёмное и смертельно опасное. Опасность висела в самом воздухе, заставляя волосы на затылке подняться дыбом. Что делать дальше, он не знал.

<http://bllate.org/book/19654/1996717>